

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

L'IMMATÉRIEL

*Connaissance,
valeur et capital*

ANDRÉ GORZ

Galilée

PARIS, 2003

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ

*Знание, стоимость
и капитал*

АНДРЕ ГОРЦ

*Перевод с французского и немецкого
МАРИИ СОКОЛЬСКОЙ*

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010*

УДК 330.1
ББК 65.011
Г70

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
МИХАИЛ МАЯЦКИЙ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Горц, А.
Г70 Нематериальное. Знание, стоимость и капитал
[Текст] / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т —
Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та —
Высшей школы экономики, 2010. — 208 с. — (Социальная
теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0713-1 (в пер.).

Андре Горц (1923–2007) — известный французский социальный мыслитель, один из основателей «политической экологии», активный журналист и «милитантист», автор двадцати книг. «Нематериальное» — предпоследняя и одна из важнейших теоретических книг Горца. В ней автор рассматривает эволюцию труда, капитала и общественных отношений в условиях «общества знания», или «когнитивного капитализма».

Книга предназначена широкому кругу читателей — политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 330.1
ББК 65.011

ISBN 978-5-7598-0713-1

© Galilée, 2003
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ. ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ	12
ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ	
I. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ ТРУД	21
II. «НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ»	41
III. НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ ЗНАНИЙ?	82
IV. НА ПУТИ К ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?	107
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Энцо Руллани. Когнитивный капитализм: déjà vu	153
Антонелла Корсани. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм.	162
Михаил Маяцкий. Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма?	193

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Предисловие

Книга Андре Горца (1923–2007) достаточно прямолинейна, в хорошем смысле простодушна, чтобы без обиняков вручить ее читателю. Автор, однако, малоизвестен в России, и для прояснения его позиции нелишними будут несколько слов о его жизненном и творческом пути.

Вена в преддверии «аншлюса» была не самым удачным местом для рождения Герхардта Хирша, сына еврейского (пусть и крестившегося, чтобы потрафить семье невесты) торговца древесиной. Отправленный в интернат под Цюрихом, он, уже под именем Жерар Хорст, заканчивает затем химический факультет в Лозанне. Здесь же берется за свой первый философский трактат со столь же неприятным, сколь и амбициозным названием «Основы некоторой морали», который мыслился 24-летним философом-самоучкой как продолжение «Бытия и ничто» (книгу, которую он знал чуть ли не наизусть и, во всяком случае, лучше ее автора, как признавался потом сам Сартр). Здесь же встречается с англичанкой Дорин Кейр, которая станет подругой жизни: через 60 лет он адресует ей проникновенное «Письмо к Д. История одной любви»¹. А еще через пару лет, в сентябре 2007 г., перед лицом ее неизлечимой и прогрессирующей болезни они покончат с собой в своем доме в Вонон.

Пока же, в 1949 г., пара переезжает в Париж. Не отреагировав на пухлый трактат (он будет издан только через 30 лет²), Сартр отозвался огромным похвальным предисловием к автобиографическому роману Горца

¹ *Lettre à D. Histoire d'un amour*. P.: Galilée, 2006.

² *Fondements pour une morale*. P.: Galilée, 1977.

«Предатель». Важными были впоследствии встречи с Маркузе, Иваном Илличем. Андре Горц и Мишель Боске — два его основных псевдонима — становятся известными журналистами: один ведет экономическую колонку в «Express», другой пишет в профсоюзной прессе, потом в «Temps Modernes», в «Nouvel Observateur» (одним из основателей которого он стал), «Multitudes», «EcoRev...». С первых же социологических и «милитантистских» работ, таких как «Рабочая стратегия и неокapитализм»³, «Трудный социализм»⁴, Горц проявляет себя как оригинальный мыслитель, всегда соблюдающий с левым мейнстримом дистанцию независимости. Так, он по принципиальным соображениям не принял структурализма (читатель найдет в книге следы этой старой полемики). Или другое существенное расхождение с левыми соратниками: он отказывался признать в социализме советского типа желанную альтернативу капитализму, но видел в нем, скорее, род централизованного капитализма, в котором государство и партия берут на себя заботы по сохранению и преумножению отчуждения. Рано, задолго до появления «зеленых» на политической арене, в текстах Горца появляется составляющая политической экологии (например, тезис об «отрицательном приросте»). Однако и здесь он идет против течения, критикует примитивистов и поклонников «дикой природы»: как и в своей критике труда и пролетариата⁵, он остается верен эмансипаторскому гуманизму раннего Маркса, через призму которого он читает не только «Феноменологию» Гегеля и «Капитал», но и даже Гуссерля с Хайдеггером. Его цель, его пари — это не выход назад

³ Stratégie ouvrière et néocapitalisme. P.: Seuil, 1964.

⁴ Le socialisme difficile. P.: Seuil, 1967.

⁵ Adieux au prolétariat. P.: Galilée et Le Seuil, 1980; Les Chemins du Paradis. P.: Galilée, 1983; Métamorphoses du travail. P.: Galilée, 1988; Misères du présent, richesse du possible. P.: Galilée, 1997.

из *conditio humana*, а убеждение в возможности (и в способности общества) создать человеческую среду, способствующую развитию и свободе.

«Нематериальное» — одна из последних теоретических книг⁶ Андре Горца. В ней обсуждается проблематика так называемого «когнитивного капитализма», специфического аспекта (или фазы — здесь мнения аналитиков расходятся) современного общественного развития. Разделив со своим поколением определенные технотронные иллюзии по поводу техники, которая освободит человека от самого тяжелого труда, а его время — для творческого досуга, Горц затем подверг технику отрезвленному критическому анализу. Критика «когнитивного капитализма» продолжает ту же линию в сочетании с разбором социальных последствий растущей финансиаризации капитала. Горц не дожил до нынешнего кризиса. Тем интереснее читать его анализ «лопнувшего пузыря» 2000 г.! Тем яснее предвидимый, системный характер этого и, увы, неминуемых будущих кризисов.

Возраст, опыт придают стилю и мысли автора проницаемость, которая как будто не исключает определенной наивности. Совместный труд и прочие коллективные радости, гимн которым не раз воспевается в книге, представляются, по крайней мере на постсоветский взгляд, симпатичной ментальной утехой западного индивидуалиста. Не следует, однако, видеть в этой совместности некую бригадную утопию: она реализуется во взаимодействии умов, будь то в науке или в сетевом бескорыстии. Впрочем, всё это довольно ясно разбирается в тексте.

Когда автор пишет, что стоимость товара зависит отнюдь не только от его объективных достоинств, но и от его маркетинга, раскрутки и т.п., хочется сначала снисходительно улыбнуться над пожилым социоло-

⁶ За ней следует посмертный сборник «*Ecologica*» (P.: Gallée, 2008).

гом, едва поспевающим за уже не железным, а нематериальным конем современности. А потом хочется пригорюниться над своим уделом и даже всплакнуть над горькой долей более молодого поколения, которое не только воспринимает это положение дел как нормальное, но уже и не подозревает, что когда-то могло (или еще может?) быть иначе.

Будем надеяться, что за переводом этой книги⁷ последуют и другие публикации в России этого одного из самых своеобразных и своевременных социальных мыслителей Европы.

В качестве приложения мы публикуем три статьи, тематизирующие разные аспекты «когнитивного капитализма»: его биополитику, т.е. способ подчинить себе «жизнь», и его соотношение с научной политикой позднесоветского общества.

⁷ По просьбе Андре Горца мы учитывали изменения и дополнения, внесенные им в перевод книги «Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний» на немецкий язык («Wissen, Wert und Kapital. Zur Kritik der Wissensökonomie» / Übersetzt von Jadja Wolf. Zürich: Rotpunktverlag, 2004).

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Осознание того, что знания стали сегодня важнейшей производительной силой, вызвало перемены, подрывающие значимость ключевых экономических категорий и ясно указывающие на неотложность новой экономической теории. Переживающая сейчас подлинный бум экономика знаний — это капитализм, пытающийся по-новому определить свои основные категории: труд, стоимость и капитал, и распространяющийся на все новые области. В первых трех главах настоящего эссе предпринимается попытка показать значение этих перемен и обрисовать контуры общества знаний, чьи «зародышевые формы» (Штефан Меретц) уже вырисовываются достаточно ясно.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В экономике знаний всякий труд, будь то в перерабатывающей промышленности или сфере услуг, содержит растущую долю знаний. Однако знания, о которых пойдет речь у нас, не являются формализованными профессиональными знаниями, приобретаемыми в техникумах и институтах. Как раз наоборот: информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом всё больше пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обиходном общении и относятся к культуре повседневности.

Невозможно ни определить, ни предписать заранее, как именно трудящиеся будут вкладывать это знание в свой труд. Здесь требуется самоотдача, то, что на языке менеджеров именуется «мотивацией». Человек должен вкладывать в свой труд не просто профессионализм,

а всего себя. Именно от этого вклада будет зависеть качество результатов. Такое качество невозможно измерить общей мерой. Его оценка зависит от суждения начальника или клиентов. Любой труд будет все сильнее напоминать в этом отношении сферу услуг.

Труд, который начиная с Адама Смита считался общей для всех товаров основой стоимости, при таких условиях не поддается измерению в единицах времени. Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости. Фирмы всё больше распоряжаются ими как своим «человеческим капиталом». Вопрос о том, как капиталу завладеть человеком целиком и сделать его полностью «мобильным», решен отменой фиксированного оклада: трудящиеся должны теперь сами стать предприятием и даже на крупнейших заводах (таких как Volkswagen или DaimlerChrysler) вынуждены сами заботиться о рентабельности своего труда. Конкурентная борьба вынуждает их принимать давление логики рыночного сбыта за собственную внутреннюю мотивацию. На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д. На место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт «человек-предприятий», бесчисленных «Я-АО».

КАПИТАЛ ЗНАНИЙ

В отличие от человеческого капитала, капитал знаний — вещь отнюдь не новая. Применение знания в качестве капитала существует так же давно, как и промышленный капитализм. Только раньше это применение происходило в основном через использование «мертвого знания», овеществленного в машинах, приборах и процессах.

Однако сегодня капитализация знаний натывается на новые границы. Всякое формализуемое знание может быть отделено от своего материального и человеческого носителя, практически бесплатно размножено в компьютерной форме и без ограничений используется в универсальных машинах. Чем шире оно распространяется, тем выше его общественная полезность. Напротив, его товарная стоимость по мере распространения падает, стремясь к нулю: оно становится общим достоянием, доступным всякому. Подлинная экономика знаний была бы коммунизмом знаний, в котором обменные и денежные отношения отмирают за ненадобностью.

Поэтому, чтобы знания можно было продавать как товар и использовать как капитал, их нужно приватизировать и держать под замком. В главе II показано, как это трудно, дорого и в конечном счете неосуществимо.

Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. Затраты на их производство зачастую трудно определить, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний. Он может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое. Каждое из них может считаться ни с чем не сопоставимой уникальной ценностью.

Но именно эта несравнимость и была в конечном счете использована капиталом. Целью частных исследований почти всегда бывает обеспечение данной фирме монополии на знания, дающей ей монопольный доход. Размер ожидаемого дохода при этом куда важнее, чем общественная полезность созданного знания. Каждая фирма, вкладывая деньги в дорогостоящие рекламные

кампании и инновации, стремится упредить другие в захвате монопольной позиции. Маркетинг и реклама порождают символические, эстетические и социальные ценности. В соединении с инновационными метаморфозами продукта они оттесняют на задний план уже существующие продукты и создают для фирмы тот рынок, на котором она на краткое время защищена от конкуренции с другими фирмами. Постоянно стремление хоть ненадолго обойти законы рынка. Постоянно стремление превратить «грозящее» изобилие в новые формы дефицита и с этой целью придать товарам несравнимую, неизмеримую, уникальную ценность художественных произведений, не имеющих эквивалента, и потому предлагаемых на продажу по завышенным ценам.

Созданию максимально возможного всеобщего благосостояния предпочитается искусственное создание дефицита, позволяющее оптимально использовать капитал. Создание стоимости и создание богатства все более явно расходятся между собой, однако это не решает основных проблем капитализма, применяющего все меньше труда, распределяющего все меньше платежных средств, страдающего от переизбытка капитала и недостатка платежеспособного спроса, разваливающего несущее его общество, затраты на воспроизведение и структуру которого он пытается сэкономить, приватизируя и/или сокращая государственные службы, образование, медицинское и пенсионное страхование.

ЧТО ТАКОЕ БОГАТСТВО?

Сейчас все более очевидно, что умножение денег в таком контексте не создает богатства, что прирост экономики, основанный на разграблении общественного достояния и ликвидации со-общественной жизни, порождает нищету, а не благосостояние; что понятие «богатство» отделяется от понятия «стоимость товара»

и что вопрос «что такое богатство?» должен быть поставлен заново. Лишь какая-то иная экономика может разбить оковы, налагаемые жаждой к наращиванию стоимости на удовлетворение человеческих потребностей и раскрытие человеческих способностей.

Именно об этом, в сущности, и идет речь в так называемом антиглобалистском движении. В нем громко и ясно выражается сопротивление разрушению общественного достояния, протест против катастрофической «модернизации» пороговых стран, против приватизации как знания, так и его производства. Особенно эффективным и подрывным оказалось участие многочисленных деятелей «Движения за свободное программное обеспечение» и хакеров. Они оказывают сопротивление в важнейшей для капитала области, а именно в области производства, распространения, обобществления и передачи знаний. Это настоящие «диссиденты цифрового капитализма».

Превосходство создаваемого ими программного обеспечения доказывает, что люди наиболее полно раскрывают свой творческий потенциал тогда, когда, освободившись от необходимости увеличения стоимости и конкурентной борьбы, могут в свободном сотрудничестве применять свои знания и способности. В их практике вырисовываются те предпосылки, при которых общественные отношения знаний могли бы стать фундаментом подлинного общества знаний. В отличие от общепринятых концепций, знания выступают у них не в виде овеществленного знания, т.е. как сведения и информация, а в виде общественной деятельности, создающей коммуникативные отношения, свободные от господства и подчинения.

Осознание того факта, что не инструментализация и подчинение, а свободное самораскрытие человека со всеми его незаменимыми особенностями стало основной производительной силой, должно, по идее, открыть путь «в новую эру, требующую новых понятийных, культурных и этических рамок» (Патрик Вивре).

О РОДСТВЕ НАУКИ И КАПИТАЛА

На карту поставлено здесь не только господство, которое прежде имел над людьми капитал посредством машин. На карту поставлена также гегемония господствующего научного мышления — когнитивно-инструментальной рациональности, которая дала технике средства «порабощения и изнасилования» всего сущего (Петер Слотердайк).

Стоит подвергнуть критическому рассмотрению эту инструментализацию всего живого и человеческого, раз уж под вопросом оказалось и самопонимание науки и ее социальное распространение. Если благодаря новому определению понятия «богатство» общество заново определит себя в культурном и экономическом смысле, дух науки также должен будет получить новое определение. Ведь наука с древнейших времен была тесно связана с капиталом. Она пролагала ему путь, выводя за скобки чувственно воспринимаемый мир и интерпретируя действительность как систему, подчиняющуюся голой логике расчета, мыслимую чисто математически. Обесмысленные, электронно управляемые математические мыслительные процессы дали политической экономии иллюзорную возможность преобразовывать общественные отношения посредством вычислительных абстракций. Они создали отрезанный от живого опытного знания, недоступный чувствам системный мир. Человек в нем предстает устарелым, не отвечающим новейшим требованиям, неприкайнным существом. Ему требуются химические и электронные протезы, чтобы справиться с технической окружающей средой. Проекты искусственного интеллекта и искусственной жизни направлены на преодоление биологической ограниченности человека. Первопроходцы искусственного интеллекта — Минский, Моравек, Курцвейль, де Гарис — не скрывают своего презрения к человеческой «плотской машине». Природа, считают они, наделила вид «человек»

способностью отказываться от самого себя в пользу постбиологических форм жизни и разума, и даже с помощью компьютерной обработки раствориться в космосе в виде бессмертного духа.

То, что пишет Мойше Постоун о «форме капитала», можно отнести и к цели наук: «Ей свойственна мечта о внешней безграничности, фантазия свободы как полного освобождения от всякой материальности, от природы. Эта греза капитала становится кошмаром для всего того и для всех тех, от кого капитал пытается освободиться — для нашей планеты и ее обитателей»¹.

Вонон, июль 2004 г.

¹ *Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. (Пер. на нем.: Zeit, Arbeit und gesellschaftliche Herrschaft. Eine neue Interpretation der kritischen Theorie von Marx. Fr.i.Br.: ça ira, 2003. S. 576.)*

ЗНАНИЕ,
СТОИМОСТЬ
И КАПИТАЛ

К КРИТИКЕ ЭКОНОМИКИ
ЗНАНИЙ

I. Нематериальный труд

1. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Мы живем в переходный период, в котором одновременно существует несколько способов производства. Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овестьствовленного постоянного капитала, все быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого главным является использование нематериального капитала. Его называют также «человеческим капиталом», «капиталом знаний» или «интеллектуальным капиталом». Этот переходный период связан с новыми преобразованиями труда. Простой абстрактный труд, со времен Адама Смита трактованный как источник стоимости, сменился трудом более сложным. Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами.

В англоязычных странах говорят о возникновении «knowledge economy» и «knowledge society», в немецкоязычных — о «Wissensgesellschaft», а у французских авторов мы встречаем «capitalisme cognitif» и «société de la connaissance». Уже Маркс считал, что знания (knowledge) должны стать «крупнейшей производительной силой» и важнейшим источником богатства. «Труд в его непосредственной форме», измеримый и оцениваемый количественно, должен перестать быть мерой созданного богатства¹. Богатство должно зависеть в меньшей степени от «рабочего времени и коли-

¹ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin/DDR: Dietz, 1953. S. 593. (Далее цитаты и указанные в тексте номера страниц приводятся по этому изданию.)

чества затраченного труда» и в большей — от «общего состояния науки и прогресса технологии» (с. 592). «Непосредственный труд и его количество [исчезают] как определяющий принцип производства», превращаясь все больше в «хотя и необходимый, но подчиненный момент по сравнению с общим научным трудом» (с. 587). «Процесс производства» уже нельзя понимать как «процесс труда».

Здесь любопытна расплывчатость марксовой терминологии. То он говорит об «общем состоянии науки», то об «общем социальном знании knowledge» (с. 594), то об общем интеллекте (*general intellect*), то об «общих способностях человеческого мозга», то о «художественном, научном и прочем образовании индивида» (с. 593), вызванном «увеличением свободного времени», каковое образование влияет «на производительность труда». Появление свободного времени «для полного развития индивида» может «рассматриваться с точки зрения непосредственного процесса производства как производство постоянного капитала (*capital fixe*). Постоянным капиталом является в этом случае сам человек (*capital fixe being man himself*)» (с. 599). Идея «человеческого капитала» обнаруживается, таким образом, уже в рукописях 1857—1858 гг.

Я указал на расплывчатость марксовой терминологии, потому что современные тексты по экономике и менеджменту пестрят столь же нечеткими формулировками: «нематериальная экономика», «когнитивный капитализм», «знания как важнейшая производительная сила», «наука как движущая сила экономики»... Что в точности подразумевается здесь под знаниями и наукой? Приведем две цитаты, несколько проясняющие дело:

Сегодня источником стоимости являются интеллект и воображение. Живое знание индивида важнее, чем рабочее время машины. Как носитель своего собствен-

ного *капитала*, человек составляет часть капитала предприятия².

В этом примечательном тексте речь идет не о науке и не о научно-техническом знании, а об интеллекте, воображении и живом опытном знании, которые в совокупности и составляют «человеческий капитал». Эта терминология указывает на отход от когнитивизма и слепой веры в науку. Ведь научно-техническое знание принципиально отличается от живого опытного знания. Научно-техническое знание связано с формализованным и объективированным содержанием, которое по определению не может быть собственностью отдельного человека. Одно дело «знать» грамматические правила, а совсем другое — обладать «знанием», позволяющим говорить на языке. Чтобы уметь говорить, нужно отказаться от когнитивного подхода к языку. Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта покрывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая сюда и способность связывать новое с уже наличным опытным знанием. Поэтому выражение «интеллектуальное общество» — наиболее адекватный перевод английского «knowledge society».

А теперь вторая цитата. Это выдержка из текста неопубликованного выступления Норберта Бензеля, начальника отдела кадров в концерне DaimlerChrysler:

Сотрудники составляют часть капитала предприятия... Их мотивация и ноу-хау, гибкость, способность к новаторству и ориентация на клиентов — это сырье, из которого создаются новые продукты в виде услуг. Достижения отдельного работника все чаще измеряются не присутствием на предприятии, а достигнутыми целями и

² Centre des jeunes dirigeants, L'entreprise au XXIe siècle. P.: Flammarion, 1996. (Курсив мой. — Авт.)

качеством результатов. А поскольку при оказании услуг значительную роль играет компонент поведения, мы все больше учитываем в наших оценках также социальную и эмоциональную компетентность сотрудника³.

Бросается в глаза, что речь не идет ни о знаниях, ни о профессиональной квалификации. Для «сотрудников» одного из крупнейших мировых концернов важнейшими качествами оказываются поведение, развитие речи и воображения, а также самоотдача при решении поставленных задач. Все эти качества и способности присущи обычно тем, кто занят индивидуальными услугами и нематериальным трудом, не поддающимся количественному измерению, складированию, формализации и тем более овеществлению.

2. ТРУД — ЭТО РАБОТА НАД САМИМ СОБОЙ, САМОСОЗДАНИЕ

Информатизация промышленного производства все чаще превращает материальный производительный труд в управление непрерывными потоками информации. Пользователь должен быть постоянно сосредоточен на управлении этими потоками, проявляя внимательность и инициативность, которых от него невозможно потребовать приказом или инструкцией. Он должен сделать субъектом своего труда самого себя, т.е. обеспечить производство самого себя, постоянное самосоздание. Коммуникация и кооперация между пользователями принадлежат к самой сути такого труда. «Результаты обусловлены прежде всего системой и зависят от отношений между индивидами, — пишет

³ Bense N. «Arbeitszeit, Weiterbildung Lebenszeit. Neue Konzepte». Выступление на Международном конгрессе «Gut zu Wissen. Links zur Wissensgesellschaft», организованном фондом Генриха Бёлля, Берлин, 4—6 мая 2001 г. См. публикацию материалов этого конгресса под тем же названием: A. Poltermann (Hg.). Münster: Westfälisches Dampfboot, 2002.

Пьер Вельц. — Решающую роль играет не общее количество труда, затраченное индивидами, а качество и релевантность коммуникации, происходящей в рамках производственной системы»⁴. Труд уже невозможно измерить заранее заданными мерилami и нормами. «Сейчас уже нет возможности объективно определить задачу и оценить результат по отношению к поставленной задаче. Результат зависит непосредственно от людей». Для его достижения от людей требуется самоотдача. На жаргоне менеджеров это называется «мотивация». Поскольку способ, которым нужно выполнять задание, не поддается формализации, его нельзя и предписать. Напротив, теперь предписывается субъективность, т.е. как раз то, что пользователь может произвести не иначе, как «вкладывая себя» в задание⁵, вкладывая те качества, которых невозможно добиться по приказу: рассудительность, умение справляться с непредвиденными ситуациями, распознавать и решать проблемы. «Затраченное на труд время уже не может считаться мерилom созданной стоимости. Самой важной оказывается теперь способность к координации»⁶.

Поскольку невозможно измерить произведенную индивидом работу и предписать средства и методы, ведущие к запланированному результату, руководители предприятий прибегают к «руководству посредством целей»: они «ставят перед сотрудниками цели, причем последним предоставляется самим решать, как

⁴ Veltz P. La nouvelle révolution industrielle // Revue de MAUSS. 2001. No 18 (спец. номер «Travailler est-il (bien) naturel?»). P. 67.

⁵ Cp. Lazzarato M. Le concept du travail immatériel: la grande industrie // Futur intérieur. 1992. No. 10. (Пер. с нем.: Immaterielle Arbeit. Gesellschaftliche Tätigkeit unter den Bedingungen des Postfordismus / Hg. Th. Atzert // Umherschweifende Produzenten. Immaterielle Arbeit und Subversion. Berlin: ID Verlag, 1998.)

⁶ Veltz P. La nouvelle... P. 68.

этих целей достичь. Работа снова становится службой»⁷ (*servitium, obsequium*), какая причиталась сюзерену от вассалов до начала Нового времени⁸.

Эти примеры помогают понять высказывания начальника отдела кадров у DaimlerChrysler. Оказание услуг и нематериальный труд становятся господствующими видами труда, а материальный труд, напротив, оттесняется на обочину производственного процесса или просто перемещается в страны с более дешевой рабочей силой. И хотя без этого труда по-прежнему не обойдешься, а в количественном отношении он продолжает составлять львиную долю, он, тем не менее, становится «подчиненным моментом» производственного процесса. Сердцевиной создания стоимости становится нематериальный труд.

Нам важно было показать, что этот нематериальный труд в принципе базируется не на научно-технических знаниях исполнителей, а, скорее, на их способности общаться и кооперироваться с другими — способности, относящейся к обиходной культуре и не являющейся предметом обучения. В этом и состоит самое большое различие между работниками мануфактур или заводов, управлявшихся по тэйлоровской системе, и работниками эпохи постфордизма. Первые должны

⁷ Veltz P. La nouvelle... P. 69.

⁸ Великолепный пример управления посредством постановки целей в широком масштабе подала дирекция Volkswagen. Она внесла предложение не выводить за границу новый филиал с 5000 работников, если профсоюзы откажутся для этого филиала от принятой в Вольфсбурге тарификации. Вместо действовавшей в Вольфсбурге 28,8-часовой рабочей недели дирекция предложила работникам месячную зарплату в 5000 немецких марок (2,5 тыс. евро) за заданный месячный объем продукции. Если производство не достигало заданного объема, зарплаты снижались, если объем перекрывался, то вручались премии. Разумеется, рабочее время не было нормировано. Осенью 2002 г. профсоюз наконец согласился на эту модель, которая означала конец сплошной тарификации.

были отбросить свою повседневную культуру, умения и навыки, чтобы подчиниться отупляющему, оболванивающему разделению труда с его бесконечным повторением одной операции. Об этом много написано, в особенности у Адама Фергюсона и Эндрю Юра, на которых опирается Маркс в «Капитале»⁹. В 1950–1970-х годах эта борьба с общечеловеческой компетенцией, в особенности у сельскохозяйственных рабочих, повторилась посредством дисциплинарных мер почти тюремной строгости. Нужно было добиться, чтобы работник без вопросов, с регулярностью автомата, подчинялся требованиям промышленных агрегатов, задававших скорость и ритм производимых им однообразных действий.

С точностью до наоборот работники эпохи постфордизма должны привносить в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, занятиях командными видами спорта и музыкой, соревнованиях, дискуссиях, театральной и прочей самодеятельности и т.п. Во всех этих видах нерабочей деятельности они развивают в себе живость ума, способность к импровизации и кооперации, столь ценимые в постфордистских фирмах. Ян Мулье-Бутан называет такое «включение коллективного труда в категорию капитала, причем коллективного труда как живого труда, а не как мощи науки и машин» эксплуатацией второй степени. «Работник предстает уже не просто обладателем своей привнесенной извне рабочей силы (т.е. умений, которые определил за него работодатель), а *продуктом самопроизводства, продолжающим трудиться над самосозданием*»¹⁰.

К похожему выводу приходят также Мюриэль Комб и Бернар Асп: «Сегодня уже не отдельные трудящиеся

⁹ Ср. Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 12, 13.

¹⁰ Moulier-Boutang Y. La troisième transition du capitalisme / Éd. Ch. Azaïs, A. Corsani, P. Dieuaide // Vers un capitalisme cognitif. P.: L'Harmattan. 2000. (Курсив мой. — Авт.)

усваивают себе “культуру предприятия”, а, напротив, предприятия отыскивают во “внешнем мире”, т.е. в обиходной человеческой культуре, нужные им умения и способности»¹¹.

То, что предприятия рассматривают как «свой» человеческий капитал — на самом деле бесплатный ресурс, внешняя данность, которая возникла сама собой и продолжает производить самое себя. Фирмы лишь улавливают эту способность самосоздания и направляют ее в нужное им русло. Разумеется, этот человеческий капитал не чисто индивидуален. Самосоздание не возникает на пустом месте. Оно развивается на основе общей культуры и общего знания, распространяемых в процессе первичной социализации. Родители и воспитатели, школа и последующее образование участвуют в создании «общего интеллекта» (*general intellect*), они делают доступным и знание, и информацию, а также умение объяснить, понять, найти общий язык с другим, из чего и состоит бытовая культура. Однако индивид должен сам усвоить эту культуру и сообразоваться с ней. Общество и его составляющие не могут производить самостоятельных субъектов. Они могут лишь создавать и воспроизводить рамки, в которых субъекты в ходе социализации производят самих себя, используя язык и жесты, образцы понимания и модели поведения, принятые в их культуре и обществе. Никакая институция не может за индивида выполнить работу обучения, овладения навыками и становления. Субъект никогда не задан социалью, он, пользуясь выражением Мориса Мерло-Понти относительно сознания, — существо, которое задает само себя и которое должно сделаться тем, что оно есть. Никто не может ни освободить его от этой обязанности, ни принудить к ней.

В следующей главе мы вернемся к этому подробнее. Знания, ставшие важнейшим источником созда-

¹¹ *Combes M., Aspe B. Revenu garanti et biopolitique // Alice. 1998. No. 1.*

ния стоимости, — это, прежде всего, живые знания на основе новаторства, коммуникации и постоянно заново импровизируемой самоорганизации. Живой труд по производству знаний не порождает ничего ощутимо материального. Это, особенно в сетевой экономике, — труд субъекта, производящего самого себя как деятельность. Каждый пользователь в сетевом труде постоянно соотносится с другими, и вводимые им данные запускают процесс, в котором общий результат индивидуально введенных данных намного превосходит их сумму. Пьер Леви уподобляет возникающий таким образом коллективный интеллект «импровизированному полифоническому хору»¹², т.е. такой деятельности, которая приспосабливается к деятельности других, превосходит, питает ее и при этом порождает общий результат, превышающий индивидуальные возможности участников.

Перед нами отличный пример так называемых положительных внешних эффектов (экстерналий), т.е. коллективных результатов, которые возникают из взаимодействия индивидов и оказывают на это взаимодействие обратное положительное влияние. Положительные экстерналии всегда являются общепользовательными, приносят пользу каждому из индивидов; предприятие не может производить их по заранее намеченному плану, их нельзя ни купить за деньги, ни превратить в частную собственность. Общее живое знание и бытовая культура относятся к таким положительным экстерналиям¹³. Парадигма импровизирующего полифонического хора особенно хорошо приложима к виртуальным интернет-сообществам,

¹² Lévy P. *L'intelligence collective*. P.: La Découverte. 1997. P. 75f.

¹³ В прошлом говорили в основном об отрицательных экстерналиях, т.е. об отрицательных коллективных эффектах действий отдельных индивидов, таких как пробки на дорогах, разрушение окружающей среды, эрозия почвы, болезни цивилизации, обвалы на бирже и проч.

но является, по крайней мере потенциально, моделью для любой интерактивной сетевой работы. Разделение труда на специализированные и иерархические задачи потенциально устранено, и становится возможным овладение и самоуправление средствами производства со стороны самих производителей. Таким образом, потенциально отменяется и различие между работниками и овеществленным трудом, а также между овеществленным трудом и его продуктом. Ведь средства производства допускают присвоение и могут стать общественным достоянием. Компьютер предстает универсальным и общедоступным орудием, благодаря которому всякое знание и всякая деятельность в принципе могут попадать в пользование общественности. Как раз этот свободный доступ и это обобществление являются одновременно целью и практикой таких анархо-коммунистических сообществ, как «Движение за свободное программное обеспечение» и «свободный Интернет». Невольно вспоминается следующий пассаж из «Немецкой идеологии»:

Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самодеятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. [...] При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе¹⁴.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 68.

В конце этого рассуждения Маркс определяет коммунизм как «устранение труда», который «потерял всякую видимость самодеятельности» и при котором индивиды, «лишенные всякого подлинного содержания жизни», стали «абстрактными индивидами».

3. «ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ»

Растущее значение живого знания вызвало глубочайшие изменения в характере труда. Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности и мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время. Комб и Аспе пишут по этому поводу:

В этом смысле можно говорить о «тотальной мобилизации» способностей и склонностей, включая чувства и эмоции [...]. Отныне мы уже не знаем, когда мы находимся вне работы и чего от нас работа может потребовать. В предельном случае уже не субъект присваивает себе труд, а труд присваивает себе субъекта [...]. Какой бы жалкой и бессмысленной ни была деятельность, какими бы презренными и достойными осмеяния ни были ее цели, она заявляет претензии на интеллектуальную и эмоциональную энергию индивида, на его виртуозность, на то, что в его собственных глазах составляет его ценность. Однако если на работе мы проявляем свою художественную виртуозность, мы уже не можем саботировать эту работу, не вызывая презрения у самих себя и окружающих. Как может при этих условиях функционировать экономика нематериального, не подчиняя индивидов новой форме добровольного рабства? Как нам избежать того, чтобы вкладывать свое достоинство в недостойную работу?¹⁵

Во всяком случае, сейчас все крупные фирмы знают, что в рамках отношений найма не приходится

¹⁵ *Combes M., Aspe B. Revenu...*

ожидать от работников полной идентификации со своей задачей. Уже сам факт, что наем — это договор между двумя сторонами, свидетельствует о том, что эти две стороны различны, как различны и их интересы. В договоре найма скрыты потенции эмансипации, поскольку он ограничивает права работодателя и сводит обязанности наемного работника к выполнению определенной задачи. Тем самым проводится граница между сферами работы и личной, частной жизни.

Поэтому крупные фирмы стремятся превратить отношения трудового найма в отношения участия, предлагая незаменимым работникам фондовые опционы, т.е. участие в капитале и прибылях фирмы. Однако это решение имеет лишь ограниченный эффект. Чем больше труд апеллирует к дарованиям сотрудника, к его способности продуцировать самого себя, к тому, что создает «его ценность в его собственных глазах», тем больше эти способности стремятся выйти за рамки реализации лишь в пределах поставленной задачи. Работник будет постоянно стремиться доказать себе, что он стоит больше того, что делает на работе. Он захочет проявить свои умения во внерабочей или побочной рабочей деятельности, которая может считаться самоцелью. Так, журналисты пишут книги, рисовальщики из рекламных агентств — картины, а компьютерщики проявляют свою виртуозность как хакеры и создатели свободного программного обеспечения. Им важно спасти свою честь и не продать «свою душу». Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотальной утилизации, «работники нематериального труда» начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе. Аллен Лебоб сформулировал эту ситуацию так: «Самые блестящие выпускники университетов отказываются работать с полной отдачей. Они делают то, что от них требует-

ся, однако свою душу хранят для себя и довольствуются тем, чтобы производить ожидаемое хорошее впечатление»¹⁶.

4. ПОЯВЛЕНИЕ САМОПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Окончательное включение самосоздания в разряд капитала натывается на преодолимую границу до тех пор, пока сохраняется различие между индивидом и предприятием и пока рабочая сила может сопротивляться своей полной мобилизации на нужды предприятия. Стоит указать на эту границу, чтобы тут же увидеть и возможность ее устранения: нужно лишь устранить различие между субъектом и предприятием, между рабочей силой и капиталом. Личность должна стать предприятием для самой себя, она должна сама рассматривать себя как рабочую силу, как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства, модернизации, расширения и утилизации. Она уже не подчинена внешнему принуждению, напротив, она превратилась в собственного производителя, работодателя и продавца, и вынуждена возложить и принять на себя все принуждение, необходимое для выживания и конкурентоспособности предприятия, которым является. Короче говоря, нужно устранить отношение наемного труда.

Именно об этом и шла речь в выступлении Норберта Бензеля, назвавшего сотрудников завода «предпринимателями». Они предприниматели не только потому, что стремятся к намеченным результатам, но и, прежде всего, потому, что сами управляют своей рабочей силой, выступающей как их постоянный капитал, независимо от занимаемого ими места в иерархии. Отношение найма должно исчезнуть, заявляли в начале 1990-х годов Чарльз Хэнди и Уильям Бриджес. Должны остаться лишь индивидуальные предприниматели, ока-

¹⁶ *Lebaube A. Premier travail // Le Monde/Initiative. 22 января 1992 г.*

зывающие индивидуальные услуги. Каждый работающий человек должен сам отвечать как за свое здоровье, свою мобильность, свою способность приноровиться к меняющимся местам работы, так и за повышение уровня своих знаний. Люди должны управлять всей своей жизнью как человеческим капиталом, постоянно инвестировать в него средства, например на курсы повышения квалификации, и понимать, что продажная цена их рабочей силы зависит от того бесплатного, невидимого и добровольного труда, посредством которого они все время заново производят самих себя.

Крупная фирма сохранит теперь лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем. Остальную часть «своего» персонала — в 100 крупнейших американских фирмах она доходит до 90% — составит сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью, по видимости самостоятельных, и при этом высококвалифицированных специалистов. Держа таким образом большую часть рабочей силы на расстоянии, фирма может сэкономить часть производственных затрат. Расходы на повышение квалификации, медицинское и пенсионное страхование внешние сотрудники должны частично или полностью оплачивать сами. Фирма покупает их услуги, обговаривая цену, действительную только для данного сотрудника и разжигает тем самым конкуренцию между исполнителями. Работодатель обеспечивает себе возможность значительно изменять требуемый от сотрудников объем работы, не заботясь о законном рабочем времени и не затрудняясь увольнениями, набором новых сотрудников и компенсациями.

Будущее принадлежит самопредпринимателям. Их процент среди трудящегося населения стремительно растет в Великобритании, Италии и Швеции. Исследовательский фонд Немецкого объединения профсоюзов (DBG) предлагает объединить самопредпринимателей в организации, сходные с профессиональными

союзами или союзами работодателей¹⁷, чтобы дать им возможность отстаивать свои тарифы.

5. ЖИЗНЬ — ЭТО БИЗНЕС

Такое самопредпринимательство ведет к тому, что человек целиком и вся его жизнь превращаются в работу, сбываются на рынке. Жизнь становится «самым дорогим капиталом». Граница между частной жизнью и работой размывается, причем не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требуют одних и тех же умений, а потому, что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости. Всякая деятельность должна допускать превращение в бизнес и, как пишет Доминик Меда, «отношение к самому себе и к другим мыслится исключительно в модусе денег»¹⁸. По словам Томаса Аклемейера:

На фоне проникновения неолиберальной утопии даже в массовую культуру [...] уже не только люди на руководящих постах оказываются перед требованием превратить свою жизнь в предприятие («Я-АО»). [...] Приставка «само-» становится важнейшим требованием к новой основной форме рабочей силы: самоуправление, самоорганизация, самостоятельная ответственность, самоэкономизация, самоинтеграция и т.д., все это в сочетании с активным самосбытом посредством перформативных стратегий саморекламы¹⁹.

Самопродажа и даже самоотчуждение красноречиво воспеваются Пьером Леви:

¹⁷ Cp. Wege in eine nachhaltige Zukunft. Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, 2000.

¹⁸ Méda D. Qu'est-ce que la richesse? P.: Aubier, 1999. P. 136. С. 129–139 — отличное критическое резюме основных английских теорий всеобщего самопредпринимательства.

¹⁹ Aklemeyer Th. Der Sport, die Sorge um den Körper und die Suche nach Erlebnissen // Berliner Debatte Initial. 2003. B. 14. No. 4/5.

В будущем все будут торговать. [...] Все уже непрерывно заняты превращением всех сторон жизни в бизнес: секс, брак, зачатие, здоровье, красота, идентичность, познания, отношения, идеи [...]. Мы уже не можем точно сказать, когда мы работаем, а когда нет. Мы постоянно заняты проворачиванием разнообразных сделок [...]. Даже наемные работники становятся индивидуальными предпринимателями, управляющими своей карьерой, как маленькой фабрикой [...], постоянно готовые приспособиться к новейшим тенденциям. Человек становится фабрикой [...]. Ни семья, ни нация не могут устоять перед этим развитием²⁰.

Самопродажа распространяется на все области жизни, все измеряется в деньгах. Логика капитала, жизни, превратившейся в капитал, подчиняет себе все сферы деятельности, в том числе и те, в которых самосоздание изначально было бесцельным проявлением энергии, порождающим наилучшее развитие человеческих способностей. Вот как Пьер Леви пропагандирует тотальное подчинение самосоздания категориям рынка: «Наиболее полное “развитие личности” имеет следствием большую эмоциональную устойчивость и контактность, а также лучший контроль за интеллектом, из которых следуют и лучшие экономические результаты»²¹.

По крайней мере, так видят будущее труда неолибералы: устранение наемного труда, ставшее общим правилом «самопредпринимательство», превращение всего человека и всей жизни в капитал, с которым каждый полностью себя идентифицирует.

Это видение игнорирует не только ненадежность существования, прерывность, временность, риск, которые на современном этапе будут сопровождать всякую трудовую деятельность, и наемную, и так называемую самостоятельную. Оно умалчивает о том, что самостоя-

²⁰ Lévy P. *World Philosophie*. P.: Odile Jacob, 2000. P. 84–86.

²¹ Lévy. *Ibidem*.

тельные трудящиеся в большинстве случаев зависят от одного-единственного или от очень немногих крупных концернов, а эти концерны заставляют их чередовать периоды гиперактивности с периодами безработицы. Оно молчит и о том, что частные клиенты, которым самостоятельные труженики продают свои услуги, сами подвержены всякого рода риску и очень редко обладают постоянной платежеспособностью.

Однако дело даже не в этом. Главной аксиомой либеральных защитников общества без наемного труда является утверждение, что вместе с отношением найма исчезнет и безработица. Если кто-то и окажется безработным, то только по причине недостаточной продаваемости своих знаний, недостаточной «нанимаемости». Такие люди сами должны позаботиться об улучшении своего положения. Для этого служат тайм-ауты, паузы и перерывы в трудовой деятельности, а также все увеличивающееся «свободное время». Workfare^{22(*)} в ее блэровском варианте, распространившаяся постепенно и на другие страны, отменяет пособие по безработице, превращая его в «пособие на поиск работы», причем под поиском работы понимается самая что ни на есть обязательная и усердная работа. При этом подразумевается, что безработный обязан приобрести знания, более востребованные на рынке, чем те, которыми он уже обладает. Самосоздание становится таким же «job», как любая другая работа.

Тотальная мобилизация личности как «человека-работника» поощряется, таким образом, и на государственном уровне. Однако успехи этой политики в борьбе с безработицей, ненадежностью существования и прерывностью трудовой занятости остаются весьма скромными. И это неудивительно: ведь глав-

^{22(*)} Система социальной помощи, выплачиваемой безработным только в том случае, если они нанимаются на любую (пусть крайне низко оплачиваемую) работу. — *Здесь и далее звездочкой отмечены примечания переводчика и редактора.*

ная ее цель — усилить господство капитала над трудящимся населением и внушить людям, что они сами виноваты в том, что остались без работы, более того, что рабочее место нужно им самим для самоуважения, однако они просто не умеют его заслужить.

Однако не все позволяют заморочить себе голову. Мощное давление, оказываемое властью имущими на трудящееся население с целью сохранить фикцию сохраняющегося общества труда, в котором «кто не работает, тот не ест», вызывает сопротивление и обратную реакцию. С 1995 г. удивительно быстро распространяется требование достаточного и не обставленного никакими условиями «пособия на существование»^{23(★)}. Оно должно не только помочь всем справиться с прерывностью, ненадежностью, разнообразными паузами в трудовой занятости, но и позволить людям формы самодетальности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях.

6. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ПОСОБИЯ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

На самом деле параллельно существуют две концепции пособия на существование, причем иногда даже у одних и тех же авторов. Некоторые видят в нем способ спасти жизнь от товарных отношений и тотального превращения себя в стоимость. Другие, наоборот, понимают его как необходимую компенсацию за нерабочее время, которое, будучи временем на самосоздание, значительно повышает производительность труда. Эта вторая концепция содержит, надо сказать, опасную ловушку. Поскольку она исходит из того, что капиталистический процесс производства получает пользу от всех способностей, профессиональных знаний и ре-

^{23(★)} Имеется в виду гарантированное всем гражданам безусловное прожиточное пособие, или гарантированный социальный минимум, или биоодоход.

сурсов, которые человек приобретает в течение своей жизни, она рассматривает жизнь в целом как производство постоянного человеческого капитала. Таким образом, вся деятельность человека, направленная на производство самого себя, сводится к экономическим целям. Поскольку все люди вносят свой вклад в общественное производство уже тем, что живут в данном обществе, они заслуживают, чтобы этот их вклад был оплачен пособием на существование.

Эта концепция не просто учитывает факт тотального использования человека в трудовом процессе, она этот факт легитимирует. Ведь если пособие на существование «оплачивает» невидимый труд как источник производительности видимого труда, то общество вправе требовать, чтобы этот незримый труд действительно как можно эффективнее способствовал увеличению продукта. Тем самым мы остаемся на уровне трудовой ценности и продуктивизма. За капиталом признается право требовать, чтобы люди развивали свои способности именно так, как это непосредственно выгодно предприятию, и чтобы — как предписывается, в частности, «Договором о мультиактивности»²⁴ в докладе Буассона — капитал имел право это развитие контролировать.

Пособие на существование приобретает смысл «покушения на ценность труда» (Комб и Асп) только в том случае, если оно ничего не оплачивает и ничего не требует. Только в этом случае его функция — ограничивать сферу создания экономической стоимости и позволять расширение видов деятельности, не по-

²⁴ См.: Commissariat général du Plan // Le travail dans 20 ans. P.: La Documentation française, 1995. Вице-президент Французской ассоциации работодателей (Medef) Дени Кеслер в ходе телевизионной дискуссии выразил удивление, что «предприниматели должны финансировать философские, социологические и психологические исследования, в то время как на предприятиях не хватает непосредственно пригодных к использованию кадров».

рождающих ничего, что можно купить, продать или обменять на другой товар, т.е. ничего, что имело бы (в экономическом смысле) стоимость.

Пособие на существование должно избавить само-создание от экономического принуждения и облегчить развитие личности вне сферы продуктивной для капитала целесообразности. Только способности, развитие которых является самоцелью, только культура, которую невозможно описать в терминах пользы, позволяют обществу поставить под вопрос происходящие в нем изменения и вопрошать об их смысле.

В наступающей экономике знаний основной конфликт состоит в антитезе между полной инструментализацией всех человеческих способностей, с одной стороны, и «абсолютной разработкой творческих способностей человека как таковых, без сравнения с заранее заданным масштабом»²⁵, с другой. На карте стоит не больше не меньше, как право всех на неограниченный свободный доступ к не являющимся ничьей собственностью коммуникативным формам распространения знаний и культуры.

²⁵ Marx K. Grundrisse..., S. 387.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

АНДРЕ ГОРЦ
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЗНАНИЕ, СТОИМОСТЬ И КАПИТАЛ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректоры
НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ
ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 03.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 8,10
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1066. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0713-1

